

Герой
Социалистического Труда

Георгий Сологуб:

ИХ НУЖНО ПРОСТО ЛЮБИТЬ

«Уважаемые Анна Максимовна и Георгий Павлович! Пишет вам бывший «трудный» ученик Игорь Порошин, ныне сержант Советской Армии. Не знаю, что стало бы со мной в жизни, если бы не вы, дорогие мои учителя. Именно вы сделали из меня человека — верой, добротой своей, любовью...»

«Я понял, что никому не нужен в этой жизни. И никому до меня не было дела, кроме вас, Георгия Павлович. Но мне сейчас стыдно в глаза поглядеть вам с Анной Максимовной: хотел я «завязать», да не вышло. И все, покатылся по наклонной... Скоро суд. И поделом дураку! Не столько тюрьмы боюсь, сколько вашего осуждения и презрения... Но знаю твердо: что бы ни случилось, как бы меня, непутевого, судьба ни

уделала, есть на свете два человека, которых люблю и почитаю, из уважения к которым должен встать на ноги и жить по чести и совести. Простите меня, если можете. Но сам я себя никогда не прощу...»

Эти письма Георгия Павлович покажет мне вечером, а пока я еще иду с почтальоном по неширокой очерской улице, застроенной деревянными домами, и слушаю его шуточные жалобы.

— У меня уже плечо болит Сологубам почту носить. Со всего Союза им пишут и пишут... Оно понятно: личность известная — Герой Труда! Но ведь и не всякому герою столько писем шлют. Значит, ценят и уважают нашего Георгия Павловича. И есть за что: необыкновенной души человек!.. Мы подошли к высокому деревян-

ному забору: направо серое кирпичное здание — административный корпус Очерской спецшколы. За этой стеной, ограждающей всю территорию спецшколы, учатся и живут 11—14-летние мальчишки, которые в своем столь юном возрасте уже успели перешагнуть черту закона.

В директорском кабинете сидел невысокий, худощавый мужчина с пронзительными и добрыми глазами. Скромный серый костюм, на груди — орденские планки. Георгий Павлович шагнул навстречу.

— Милости просим! С дороги устали? Есть предложение: я сейчас еду в райком партии, где пробуду до обеда, а потом мы с Анной Максимовной покажем вам нашу школу, познакомим с ребятами. А вы пока отдохните. Договорились?

Я уже знал, что Анна Максимовна, жена Сологуба, — его заместитель по воспитательной работе, а точнее сказать — ближайший помощник и сподвижник. Опытнейшие учителя, вот уже свыше двадцати лет они работают в Очерской спецшколе.

Мы сидим в кабинете Сологуба, читаем письма его питомцев. Все ящики столов Георгия Павловича и Анны Максимовны забиты письмами.

— Ну, как письма? А словечки, жаргон? — Сологуб стоит рядом, взволнованный. — Мне они пишут еще откровеннее, так сказать, по-мужски. Но дело не в словах. Ведь что получается? Мы тут по зернышку четыре года собираем, ищем в этих все повидавших человечках то, что еще осталось у них хорошего, ждем, надеемся, что из зернышек вырастет

Современной школе нужен не просто учитель, школе нужна Личность — масштабная, незаурядная, способная откликнуться на боль и искания юного человека.

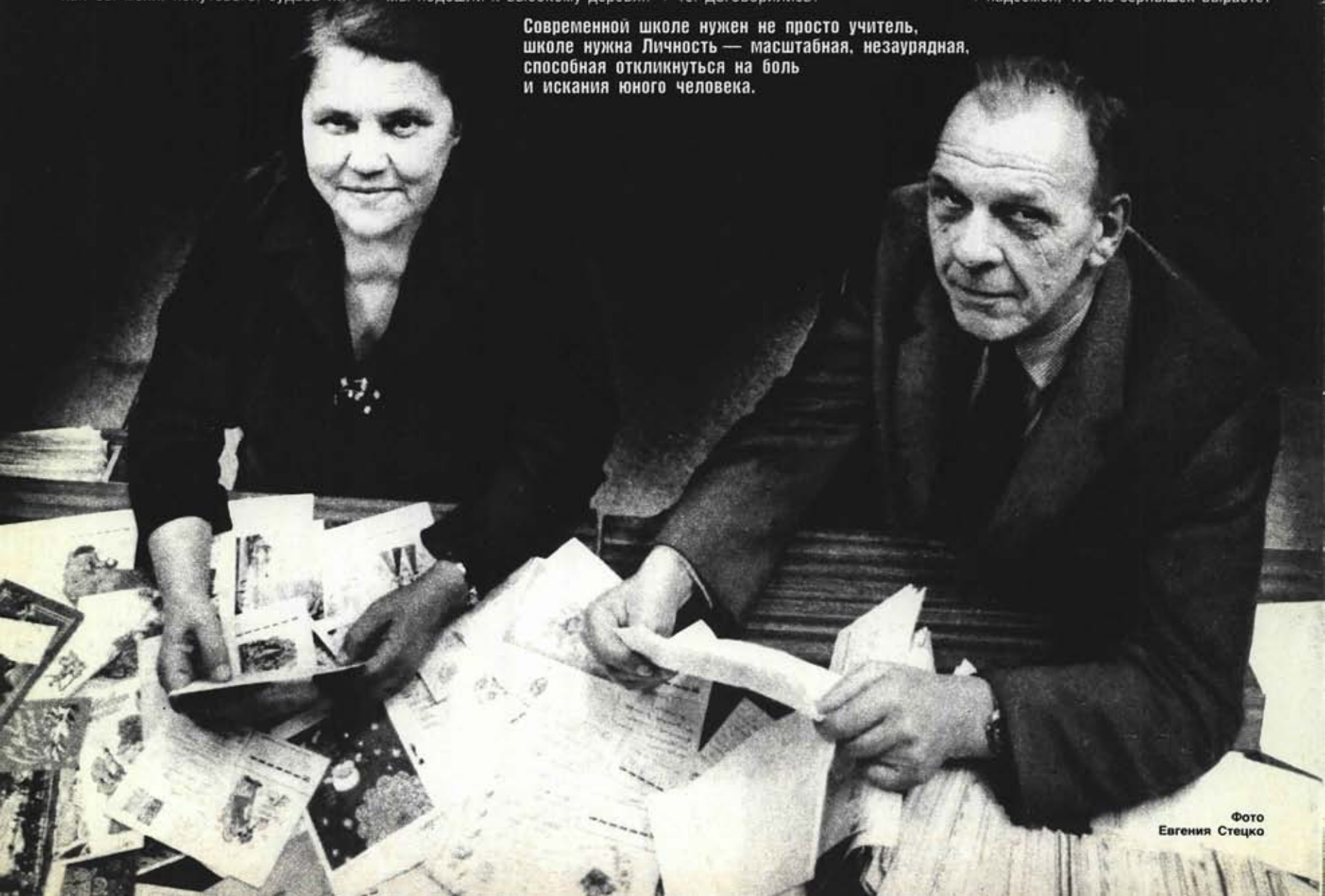

Фото
Евгения Стецко

здоровое деревце. И оно растет, пусть слабое, но здоровое. И вдруг чья-то подлая рука хватается его, гнет к земле, ломает. «Ах, ты из школы Сологуба? Нет для тебя у нас работы!» И захлопываются перед парнишкой одна за другой все двери отделов кадров. «Ага, ты когда-то пил? А ну-ка попробуй снова!» И протягивают парню бесплатный стакан дешевого суррогата. За который завтра, оказывается, надо платить. А раз нет денег, значит, нужно воровать, грабить, избивать. Расплачиваться подлостью за подлость. И все! Конец нашему воспитанию. Здесь, в школе, ребята узнают другую жизнь — без унижений и оскорблений, воровства и пьянки, начинают ценить человеческую доброту, честным трудом заработанный, а не украденный рубль. И вдруг это все обрывается, потому что заканчивается школа. Вот тут бы и подать нашим парням крепкую руку: «Из «бывших»? Значит, умеешь честно жить и работать! Нам такие как раз и нужны!» Но нет такой дружеской верной руки — ни в школе, ни дома. Если у учителя не хватает душевности, сердечности, этого никакими сверхмодными программами, учебниками не заменишь. Дома зачастую у ребенка нет семьи, того главного стержня, вокруг которого формируется человек. Зато все мнят себя воспитателями. Прочитал сыну на ходу страницу в книге или сходил с ним в кино — так разговоров!.. А уж если по голове сына или дочь удосужился погладить, — такую руку хоть в музей выставляй! Хлеб, овощи растим, все по науке делаем — удобряем, поливаем. А детей, как сорные семена, по ветру разбрасываем — вырастут! Вот и растут эти дети-сорняки, никому не нужные, не обласканные...

Сологуб замолчал. Потом тихо сказал:

— Не такой вы представляли нашу встречу, да? Разговорился я тут, извините... Ну, что ж, пойдемте посмотрим, как мы тут живем.

Что же представляет собой Очерская спецшкола? Это большое, отлаженное «хозяйство», расположенное на площади в 26 гектаров. Рядом с административным зданием — двухэтажный жилой корпус. В нем, кроме спальных комнат, есть комнаты отдыха, бытовые помещения, большой и хорошо оборудованный спортзал, кинозал и просторная столовая. Метрах в пятидесяти — двухэтажный учебно-производственный корпус. На первом этаже — производственные цехи (наших заводчан бы туда, пусть посмотрят, какими чистыми и просторными могут быть заводские помещения!). На втором этаже — классы и кабинеты. Ни одна из комнат не закрыта на замок. Спрашиваю у невысокого крепкого паренька (совершил десятка три краж, угонял машины): «Почему в школе не крадешь? Ведь все открыто!» Обиделся, отвечает: «А зачем? Здесь никто не ворует. Как же я?... Стыдно...»

Кроме трех главных корпусов, котельная, стадион (футбольное поле и хоккейная коробка), парник и баня. Неподдалеку — большое поле, сад, где ребята выращивают овощи, фрукты и ягоды.

Распорядок здесь не очень жесткий, но и не для неженки. Поднимаются мальчишки в 7.30. И все двести человек бегут в спортзал. После зарядки и умывания заправляют постели, строятся и идут на завтрак. Пока завтракают, группа дежурных воспитателей проверяет порядок в спальных комнатах (у каждого отряда, состоящего из 20—22 человек, отдельная комната). «Этот отряд получит четверку», — тихо говорит Сологуб, когда мы оказываемся в одной из спален. «Почему? Ведь здесь идеальный порядок!» — удивляюсь я. «А вон с той кровати покрывало неровно свешивается», — отвечает директор.

Вот так...

Идем в столовую. Ребята уже заканчивают завтрак — рисовая каша, стакан молока, белый хлеб с маслом. Поражает необычная тишина. Оказывается, во всем «виноват» раз и навсегда заведенный порядок — есть молча. Если нужна добавка или возник вопрос, подросток поднимает руку, и к нему немедленно подходит кто-то из дежурных (их два-три — в белоснежных халатах и колпаках), и тут же выдают добавку.

Дисциплина должна соблюдаться во всем, считает Сологуб. Баллы снижаются за грубые, произнесенные кем-то из членов отряда слова типа «дурак», «вреду» и им подобные. За нецензурную брань, драки отряд и вовсе исключается из числа соревнующихся.

Поразило очень мягкое поведение Сологуба на линейке-разводе. Он не диктовал свою «волю», не ругал никого, не пугал. Предоставив воспитателям самим определить, какой из отрядов за прошедшие сутки сработал лучше, он просто и коротко поздравил победителей, посочувствовал проигравшим, найдя и для тех и для других добрые слова... И я видел, как паренек, из-за которого отряд лишился классного места, утирал потихоньку слезы.

И вот я остаюсь один: Георгий Павлович собрал сотрудников и воспитателей на планерку. Захожу в одну из бытовых комнат — здесь ребята готовят домашние задания, переоделяются, уходя на работу. В комнате — четверо. Разговор получается не сразу. Один паренек из Добрянки (районный центр, километрах в ста от Перми), оба родителя живы и здоровы. Пили и пьют. За три года ни разу не побывали в школе. Воровать научили они же — отец покупал водку и посылал сына за закуской, не дав ни копейки. Вначале мальчишка крал продукты, потом дело дошло и до денег, вещей.

Другой — из Краснодарского края. Совершил десятки краж, несколько довольно крупных. Научился пить, курить, в 13 лет познал «любовь» женщины.

Третий тоже до спецшколы прошел «огонь, воду и медные трубы». Скинулся. Исколесил Союз вдоль и поперек. Совершил несколько крупных групповых ограблений. Участвовал в покушении на убийство.

Самая «благополучная» биография оказалась у четвертого мальчишки. Родители допились до того, что в доме не осталось вещей, которые можно было бы продать, чтобы купить вина или водки. Парень голодал, жил на чердаках, кормился объедками в столовых и буфетах. Пробовал воровать, но получалось плохо. «Боялся, что поймать и избьют. Однажды видел, как это делали...» Узнал случайно об Очерской спецшколе и сам сюда напросился.

Четверо... А таких мальчишек в школе Сологуба свыше двухсот!

— Они к нам приезжают, как ежики колючие, — рассказывает Георгий Павлович. — Надо три-четыре месяца, чтобы ребята немножко «оттаяли», привыкли... За это время знакомимся с ними, изучаем личные дела, привычки, наклонности. Кого только нам не присылают!.. Малолетних воров, грабителей, насильников и даже убийц... И, конечно, все они пьют, курят и самое страшное — к своим 12—14 годам насмотрелись и натерпелись такого, что ни во что не верят. Как-то просматривал дела шестидесяти трех новичков. Невероятно! Десятерым впервые налил рюмку отец в семилетнем возрасте, восьмерым в девять лет начали спаивать матери, шесть мальчишек впервые узнали вкус водки в пять лет! Семь человек не могли точно назвать имя настоящего отца. Многие не помнят, как зовут мать...

Как-то прибыла к нам группа новеньких. Подошел я к одному худенькому пацаненку и погладил его по голове. А он вдруг заплакал.

Я спрашиваю: «Сынок, ты что, обиделся, не любишь нежности?» «Нет, — говорит, — меня просто никто еще никогда вот так не гладил... Били часто...». Вы представляете?! Тут и у меня даже слезы к горлу подкатили. Милый ты мой, думаю, да за что же тебя так жизнь обделила? Смотрю я на таких вот, и сердце разрывается: кому они нужны? Родителям, променявшим детей своих на водку и разгульную жизнь? Обычным школам, которые только и мечтают о том, чтобы избавиться от «трудных»? Кому?..

И тут Георгий Павлович рассказал мне о ЧП, приключившемся с учеником Платошкинской школы.

— В январе прошлого года восьмиклассник Виталий Наймушин, находясь в пьяном состоянии, бросился под колеса трактора. Смерть наступила мгновенно. Случай, конечно, из ряда вон. Стали разбираться. Оказалось, мать мальчишки — хроническая алкоголичка, умерла от запоя пять лет назад. Отец еще раньше бросил семью и завел новую. Суд после смерти матери определил опекуном тетку Виталия. А у той своих трое детей. И парень перебрался жить к бабушке. А она гнала самогона, делала брагу. И мальчишка пил и курил с девяти лет! Об этом все знали. И директор школы, и классный руководитель, и участковый инспектор, и шеф-депутат, и председатель комиссии по социалистической законности, даже заведующий районо. Мы насчитали больше десяти разных ответственных лиц и комиссий, спокойно наблюдавших, как мальчишка спивается и отбивается от рук...

— И что же дальше? — спросил я.

— Дальше? А дальше пришла беда. У опекуни-тетки пропал магнитофон. И все показали пальцем на Виталия — он, мол, украл. Две недели парень ходил, доказывал всем, что не воровал он, не крал магнитофона. Но ему не верили. Тогда он занял у бабушки денег, напил и на глазах у своих одноклассников спросил у своего друга Владимира Ардашева из параллельного класса (который, как позже выяснилось, и украл магнитофон): «Неужели и ты думаешь, что магнитофон украл я?» И тот, представьте себе, ответил утвердительно. Тогда Виталий, оттолкнув Ардашева, бросился под колеса проходящего мимо трактора. Хоронили всей школой. Оркестр, цветы, траурные хорошие слова — все как положено, все по форме. Только ни слова о том, кто должен ответить за судьбу мальчишки. Ни заведующий районо, ни директор школы, ни полтора десятка правоохранительных и общественных «воспитателей» не обмолвились об этом. Не нашли мы этого ни в приказах, ни в постановлениях, ни в актах расследования. Никто даже не попытался дознаться, кто же напоил парня. Наплодили мы разных комиссий, постанов, в основном бесполезных, и не видим за толпой этих «воспитателей», как наших мальчишек и девочек давно уже воспитывают улица, подвалы, вино, водка, наркотики. Воспитывают жестоко, выкорчевывая из них все хорошее, человеческое. А мы все «торгуемся»: кто несет большую ответственность за воспитание наших детей — школа или семья? Отец или мать? Улица или милиция? А их не воспитывать надо. Их нужно просто любить!

Вот оно, главное, — «просто любить»! У Сологуба нет никакой особенной педагогической системы, нет наукообразных методик, которыми могут похвалиться учителя-чиновники. «Как же изучать систему Сологуба?» — порой спрашивают его опытные коллеги. Георгий Павлович лишь разводит руками. И опять повторяет: «Их же надо просто любить!»

Да, да, в этом весь секрет. Любовь, наверное, самый лучший воспитатель. Незаменимый.

В работе, в живом деле мальчишки преобразуются. Никогда не видел так увлеченно работающих ребят. Заметили ведь, что появился посторонний, но хоть бы один приподнял голову, оторвался от своего станка! И так все два с половиной часа ежедневно, кроме воскресенья, ребята точат, сверлят, шлифуют на своих станочках-полуавтоматах.

У входа в цех висит карта, испещренная стрелками. Стрелки указывают страны, куда поставляется продукция, в производстве которой принимают участие воспитанники спецшколы, — Япония, Канада, Пакистан, Сирия, Финляндия — десятки развитых стран. Продукция — кранки к мотопилам «Урал», что выпускают у нас в Перми. Те, кто знаком с работой мотопил хотя бы понаслышке, знают, как сложен этот узел, собираемый из десятков точно подогнанных деталей. И ни одной рекламной.

Изготавливая качественную и нужную продукцию, ребята и неплохо зарабатывают. До 35 процентов заработанных ими денег перечисляется на индивидуальные счета (у каждого — свой). Так что, заканчивая школу, некоторые из них имеют до 200—300 рублей, которые могут под контролем школы потратить на приобретение выходной одежды, нужных вещей. Остальная часть средств переводится на счет школы. Но беда в том, что деньги эти по существующим правилам школа не может тратить по своему усмотрению! Рядом со школой стоит недостроенный многоквартирный дом для сотрудников (проблема жилья так же остра, как проблема кадров), облизполком не выделил средства для окончания строительства. В то время 800 тысяч рублей, заработанных ребятами, лежат «забаррикадированные» деревянными инструкциями.

Кстати, соловубовские выпускники, заканчивая школу, не только получают квалификацию токаря, слесаря, столяра, но и приобретают все трудовые навыки, необходимые для работы на селе: умеют пахать, сеять, косить, ездить на автомашинах, обслуживать простейшую сельхозтехнику. Ребята готовят десятки тонн кормов (зерно, сено) для свиней, полностью обеспечивают спецшколу картошкой и овощами. Одного варенья и компотов из ягод заготавливают несколько тонн.

Дети Сологуба нашли в спецшколе то, что не имели дома, — заботу и внимание, честность и требовательность. Они нашли здесь настоящих педагогов, бескорыстных и добрых, на которых им далеко не всегда везло в обычных школах. И все-таки, как бы им тут ни было хорошо, Георгий Павлович и его помощники не могут заменить ребятам ни родителей, ни учителей. Как бы ни жились в спецшколе мальчишкам, все равно забор есть забор. А кто в этом виноват? Мы, взрослые. Это ведь наши дети. Значит, наша вина и боль. Значит, нам за них отвечать, если не перед собственной совестью, которой у кого-то может и не быть, то перед этими мальчишками.

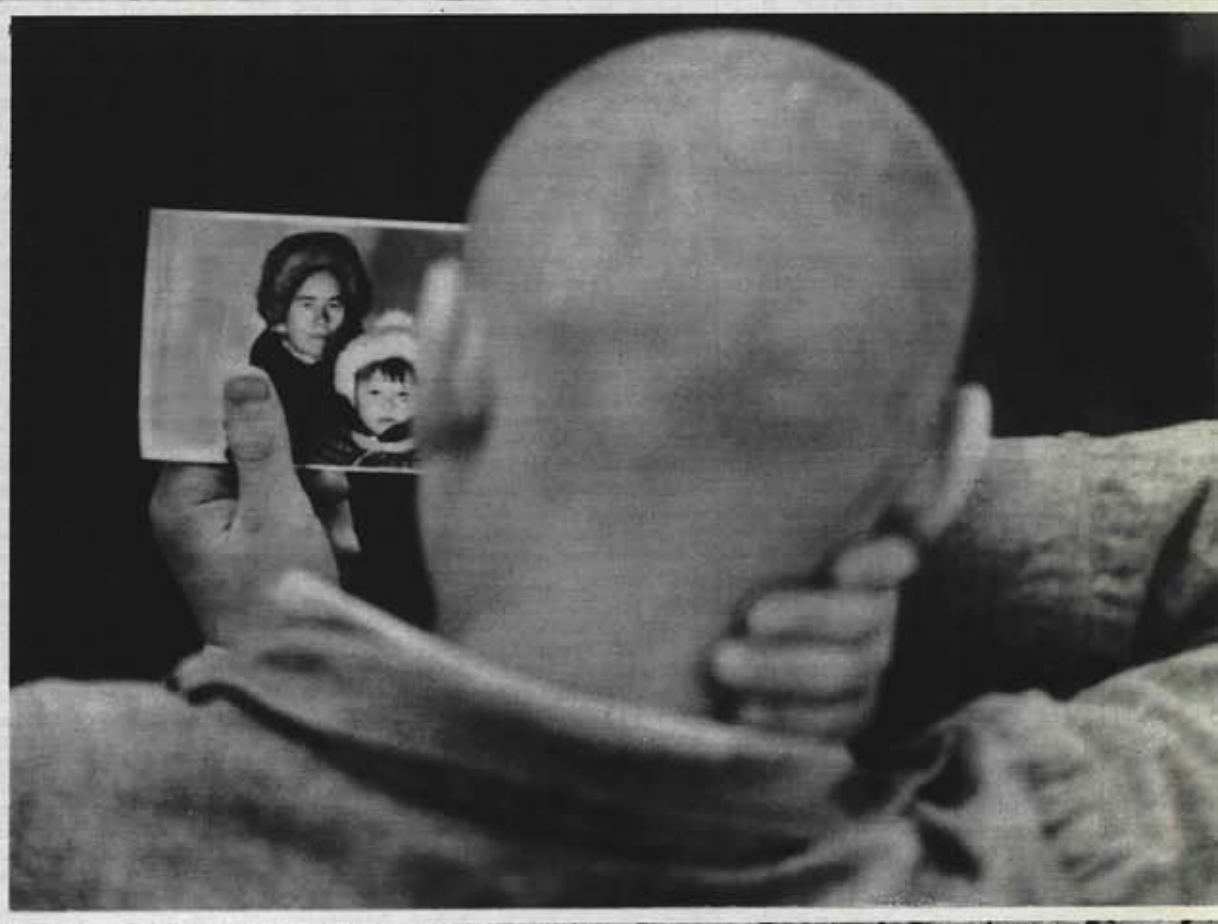
«Отец, не пиши мне больше писем! Ты для меня не отец, и я тебе никогда не подам руки...»

«Мама, я тебе не верю! Ни одному твоему слову не верю и не буду верить! Ты меня опять обманываешь!..»

Читаешь эти письма, и страшно становится. Больно и страшно.

Ох, как нелегко Сологубу с этими мальчишками!.. Такие характеры попадают — любой педагог разведет руками. Но только не Георгий Павлович. Он не верит в несправимых. Он верит в силу доброты, в силу любви. И стремится, чтобы в это поверили его пацаны, получающие здесь, в Очерской школе, путевку в жизнь.

Сергей ФЕДОРЧЕНКО

Георгий
СОЛОГУБ

Из книги «Каждая минута жизни»

«РВАНЕМ?»

— Вовка, рванем?
— Давай!

Через минуту два друга оказались за забором спецшколы. Через десять минут один из них уже стоял перед директором. Другого задержали часа через полтора. На улице под минус тридцать. Легкое пальто, на ногах сапоги с хлопчатобумажными носками и тоненькой портянкой. Бежать ни тому, ни другому некуда. Один — бывший воспитанник детдома, у другого — спившаяся мать, которой сын не нужен. Что же случилось? Какова причина очень серьезного нарушения в условиях спецшколы?

— Чего тебе не хватало? Скажи по совести.
Молчание.

— С кем-то из ребят поцапался?

— Нет.

— Может, кто-то из взрослых чем-то тебя обидел?

— Нет.

— Ну, знаешь, я тебя не понимаю. Сыт, одет, тепло, чистота, а ты бежишь на мороз. Ведь понимаешь, что до станции двадцать четыре километра, что ночью по морозу надо топтать около пяти часов. Да и кто тебя ждет, если ты даже доберешься до дому? Опять милиция, детприемник. И привезут сюда же. Так?

— Так.

В конце концов доходим и до истины. Оказывается, ларчик открывается так просто, что простота эта не укладывается в голове. Предварительного разговора о побеге с товарищем не было, просто на прогулке играли. Оказавшись за зданием, где их никто не видит, один сказал: «Рванем?» Другой ответил: «Давай!»

— Но ведь не поздно было остановиться! Как так сразу? Не думал и вдруг побежал!

— Да я же сказал: «Давай!» Как назад отступить? Ведь скажет, что я трусил!

Беседа с его другом полностью подтвердила слова Вовки. Он тоже не думал бежать, но Вовка согласился, и он побежал.

— И не мог ты одуматься? Ведь было время, когда перелезали через забор.

— А что я мог сказать, что это в шутку я ему предложил бежать?

Ну, знаете! Он же скажет, что я трус.

Решение — и тут же исполнение. Этот эпизод опять-таки заставил задуматься. Искренность ребят не вызвала сомнений. Да и решения-то не было. Просто сказал, оглянулся, никто не видит — значит, можно сделать то, чего делать нельзя. Что это? Особенность психического склада? Но все ли нормально в таком случае с психикой, если человек делает то, что делать нельзя, только потому, что представляется возможность сделать это? Не особенность ли это отдельных людей — вначале действовать, а потом думать?

А возможно, и третье суждение будет правильным? «Струсил! Трус!» Для подростка это равносильно пощечине. Но ведь мы-то понимаем, что слово «трус» звучит в полную силу только тогда, когда произносится с полным основанием. В данном же случае отступление было возможным и слово «трус» не могло явиться серьезным обвинением в слабости. Может быть, этого и не почувствовал Вовка? Для него «трус» во всех случаях равнозначно несмыслаемому темному пятну на его репутации. О том, что будет дальше, каковы последствия поступка, не подумал ни тот, ни другой. Удивляет и эта особенность. Из двоих ни один не подумал о последствиях. Почему? Размышления, догадки. Правильны ли они? На этот вопрос, возможно, даст ответ специалист-психиатр. А может, это и нормальное явление? Ломай голову, думай и думай. Конечно, легче отмахнуться от такого анализа: мало ли что бывает! Но нет. В четырнадцать лет я бы не допустил такой глупости. Перебираю в уме своих сверстников: а кто бы из них мог поступить так же в 14 лет? Спрашиваю кое у кого из сотрудников школы, могли ли они совершить подобное в таком возрасте. И тоже получаю отрицательный ответ.

Возможно, с годами мы и забываем, на что были

Работа —
в радость.

А дома мама
с сестренкой
остались...

Спрятался.
От кого?..
Интересная наука —
география.

способны в детстве. А может быть, и что-то новое, с чем почему-то не сталкивался раньше или просто мимо чего прошел, не обратив внимания. Поступок без причины или следствие, не вытекающее из причины. В процессе работы с этим явлением пришлось сталкиваться довольно часто и мучительно искать ответа. И придется, наверное, говорить об этом в дальнейшем. А сейчас можно только поблагодарить Вовку и его друга. Они-то в первый год работы с трудными подростками заставили шевелить и шевелить мозгами, думать над тем, на что не обращал внимания.

УБИЙЦА

Бегло просматриваю личное дело только что доставленного из детприемника новичка. Передо мной тринадцатилетний убийца. Выдавшаяся одежка, ссутулившаяся фигурка, какой-то бегающий, ни на чем не останавливающийся взгляд. Документы в порядке, заключение психоневролога есть: «На приеме

психических заболеваний не выявлено». Сказано все, и не сказано ничего. Понять, однако, можно: «С меня не спросишь, на приеме все было нормально, а что есть в самом деле, я не ведаю». Мудрое заключение, что тут добавишь!

Будущий воспитанник ушел с дежурным. Внимательно вчитываюсь в материалы личного дела. Следовательно в протоколе допроса фиксирует все, пытаюсь разобраться, что явилось причиной тягчайшего преступления. И перед глазами встает ужасная картина. Четверо несовершеннолетних, пользуясь отсутствием родителей, баловались охотничьим ружьем. Случайный выстрел. Несколько дробин попало в мягкие ткани ног самого младшего. Тут же перевязали рану, так как, к счастью, она оказалась пустяковой, затерли следы крови на диване, ружье положили на место. Сделано все, чтобы взрослые не узнали о случившемся. Пострадавший остался в квартире, друзья уходят. Сидя на берегу реки на бревне, кто-то сказал, что все равно родители обо всем узнают. «Он вы-

даст, он не скажет, что сам поранился. Расскажет все, как было, и нам попадет». Вывод поразительный, никак не укладывающийся в голове: чтобы не выдал, надо убить и спрятать. Вызывают друга из дома. Приходит он на берег, объявляют решение. Он плачет, просит не убивать, клянется, что не выдаст. В кустах камнями и палками убивают первоклассника, выкапывают в песке ямку, забрасывают мусором и, накатив бревно, расходятся по домам.

Не знаю, как себя чувствовали другие участники после совершенного, но старший из них, тот самый, который был инициатором этого ужасного преступления и который несколько минут назад сидел передо мной, на вопрос следователя: «Тебе не было жалко, когда били?» — ответил: «Нет». А когда следователь спросил, что он сделал, когда пришел домой, услышал ответ: «Лег спать». — «И спал?» — «Спал». — «И во сне ничего не видел?» — «Нет». — «А когда проснулся, что сделал?» — «Я не проснулся. Меня разбудили работники милиции и забрали».

Если бы мне раньше кто-то рассказывал о подобном случае, я, честно заявляю, не поверил бы услышанному. Думаю, что сомневающимся в достоверности этого эпизода немало. Объяснить его, наверное, смогут только врачи-психиатры.

Все ли в порядке в психике ребенка? Вот вопрос, который беспокоит всякий раз при приеме новичка. Опасения серьезные.

ТОЛЯ-ТУЛА И ПРОСТО ТОЛЯ

Много хлопот с воришками. Но тут все просто. Заранее знаешь жанр и номера их репертуара. Но никто не знает, что может преподнести высокий, нескладный и вечно недовольный чем-то Толя по прозвищу Тула. Ребята его боятся и сторонятся. И смеются: «Скажите Толе, что город Тула — самоварный город. Вот заведется! Сразу, с пол-оборота!»

Читает он много. О Туле, наверное, прочитал все, что ему попадало в руки. И помнит многое. Что и говорить, патриот своего города. Но по-

пробуй не согласишься с чем-нибудь, возрази! Моментально доходит до бешенства: «Убью, зарежу!» С чем угодно бросится на обидчика. Рассказывали, что, поссорившись с ребятами из-за какого-то пустяка, сбежал из школы. Бежать некуда: круглый сирота. На чердаке дома, находящегося в полусотне метров от здания спецшколы, просидел в кирзовых сапогах и телогрейке трое суток. А был январь! Жильцы дома обнаружили его случайно с серьезными обморожениями рук и ног и доставили в спецшколу. Логично обосновать свой поступок не мог.

— А что они пристают!
— Кто?
— Все. В следующий раз голову разобью кому-нибудь или повешусь. Прошло шестнадцать лет. Не помню, что написал психоневролог в медицинской справке при направлении в спецшколу. Восстановить это уже невозможно. Так долго личные дела в школе не хранятся. Возможна и такая формулировка: «Патохарактериологическое развитие личности». Ведь иногда (в двух-трех слу-

чаях из ста) бывают и такие предостерегающие, но почти ничего не говорящие педагогу записи. Может, и обычное: «На учете у психоневролога не состоял». А ведь факт остается фактом: у подростка явные отклонения в психике, и одних педагогических мер недостаточно.

А вот другой Толя. Под вечер два сержанта милиции и работник детской комнаты доставили в школу двенадцатилетнего худенького парнишку.

— Ну, наконец-то добрались,— облегченно вздохнули они,— возьми-те это чадо.

«Чадо» тут же завопило:
— Ни минуты здесь жить не буду! Повешусь! Зарежусь! Взорву всю милицию! Город сожгу!

Сбежалось больше десятка человек, привлеченных воплями. Глаза закрыты, все тело содрогается, слышны угрозы одна страшнее другой. Принимала «чадо» заместитель по воспитательной работе А. М. Сологуб. Жизнь заставила ее перебрать массу справочников по психиатрии. (Квалифицированного психиатра

в школе нет. Не положено по штату.) Психиатр-самоучка решила, что необходимо парнишку выводить из состояния истерии. Вспомнила, что в таких случаях толпа любопытных только усиливает приступ.

Выйдите, пожалуйста, все!
Когда кабинет опустел, подошла к ребенку, положила руку на голову и тоном приказа потребовала: «Успокойся!» Вопли прекратились, парнишка постепенно стал приходить в себя. Стриженная голова какой-то приплюснутой формы покрыта множеством шрамов. Очевидно, роды проходили ненормально, серьезную же травму головы, как выяснилось позже, получил в трехлетнем возрасте. Затем последовала еще одна. Потом упал с лестницы. Повредил позвоночник и очень сильно ударился головой. Долго болел. В школе ругают за то, что плохо учится. Дома бьют пьяные родители. Читает с трудом, на уровне ученика второго класса. Таблицы умножения совсем не знает, но переведен в четвертый класс. Очевидно, потому, что в специальной школе ни второго, ни третьего класса нет, а сбывать «чадо» нужно. Мальчишка совершил целый ряд краж. Бесперывные побеги из дому вынуждали искать средства для пропитания. А затем пошли велосипеды, мотоциклы.

В специальной ли школе место тому и другому Толе? Кто решил, что режим специальной школы, рассчитанный на здорового ребенка,— лучшее средство для лечения больного?

ЮРА

Страшнее всего, когда в школу попадают такие, до внутреннего мира которых доберешься не сразу. Они для педагога — загадка.

Вот что пишет воспитатель, внимательно присматривавшийся к Юре в течение нескольких месяцев: «Поведение неровное. Подъемы и спады. То парень старается изо всех сил в учебе, прилежно работает в мастерских, то становится ко всему безразличным. Период какого-то внутреннего возбуждения, подъема сменяется депрессией. Угрюмый, замкнутый, способен устроить ссору из-за пустяка, ударить товарища. Постоянная возня, шум вокруг на него действуют раздражающе. Иногда резко, с надрывом кричит: «Да тише вы, чего орете!» Особенно настораживает то, что в моменты депрессии старается уединиться. В беседе признался, что сам не знает, что с ним происходит, иногда просто не хочется жить».

Часто ему снится, что его преследуют, стреляют в него, от страха просыпается. Утром болит голова. Днем иногда слышит женский голос, окликающий его по имени. «Оглянись — никого нет». Рассказывал, что дома шел как-то с ребятами вдоль оврага. И вдруг из-под обрыва вылезает какой-то мужик с топором. Бросился бежать. Когда объяснял ребятам, почему побежал, они смеялись.

В школе наблюдалось подобное явление. Шли строем. Вдруг Юра отпрянул в сторону. Ему показалось, что что-то летит на него. Отпрянул, чтобы не столкнуться.

Прошлое у парнишки таково. Курить начал в семь лет. Спиртное употреблял с одиннадцати, в возрасте двенадцати лет перенес желтуху и переломы обеих рук, полученные в драке. Отец-инвалид на глазах сына покончил жизнь самоубийством: отравился кислотой. Смерть отца перенес очень тяжело: долго находился в обморочном состоянии. Несколько раз терял сознание в результате травмы головы. Один раз сумели привести в чувство только в больнице. После неудачной попытки убить милиционера из огнестрельного оружия хотел повеситься. Может ли сказать педагог, чего ожидать от подростка в дальнейшем? А ведь

от него требуется гораздо большее: он несет моральную ответственность за дальнейшую жизнь будущего гражданина. Но он-то безоружен, так как не имеет даже элементарных знаний по патологии явлений детской психики.

ПАША

«Хоть убейте меня, а таблицу я все равно не выучу»,— заявляет рослый тринадцатилетний крепыш.

— Паша, у тебя спрашивали, сколько у курицы ножек?

— Ага, спрашивали. Я что, дурак, что ли. Ответил, что две.

Парень вырос в деревне, это-то он знает.

— А чем бревно отличается от дерева, ответил?

— Тоже знаю: дерево стоит, а бревно лежит.

Ясно, что был на медико-педагогической комиссии. Традиционные вопросы. На свою беду Паша этот экзамен выдержал, и две тетеньки решили, что он для вспомогательной школы, где за восемь лет подростки осваивают программу начальной школы, не подходит. Обязан Паша за десять лет окончить десять классов. Букв не знал, считал по пальцам до десяти, но в первом классе на второй год не оставляют. Во втором проучился два года, остался на третий. Изредка являлся в школу, в основном для того, чтобы свести счеты с тем, кого еще не успел поколотить на улице.

Семья большая. Старший брат сидит за хулиганство.

— Мужика одного отлупил,— не без гордости заявляет Паша.

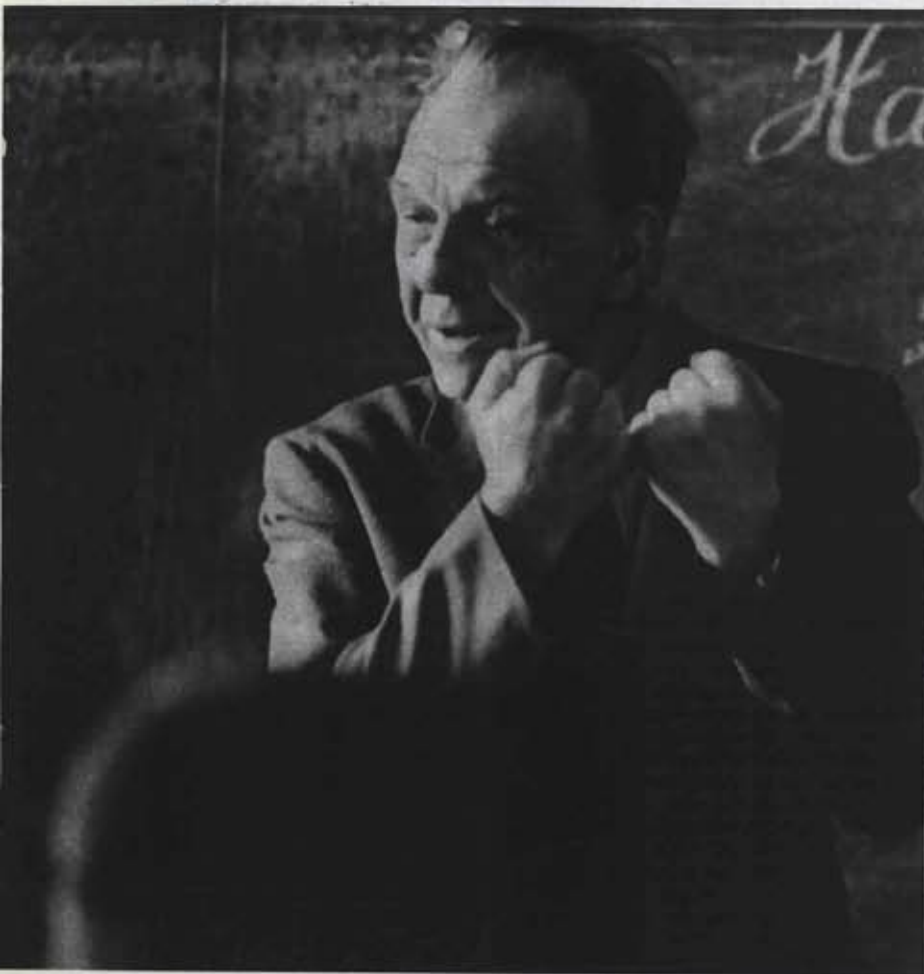
Сестра дома возится с маленьким ребенком. Не знает Паша, выходила ли она замуж или не выходила. Еще есть брат и сестра. Эти учатся. Родителям не до детей. Столько всяких праздников, выходных, да в совхозе еще регулярно выдают и аванс, и получку. Просто некогда людям протрезвиться. Болит еще голова с похмелья, а тут снова событие, и без выпивки просто не обойдешься. Когда уж детьми заниматься!

Неплохой Паша паренек. Работать любит. Похвали Пашу, вкалывает, как говорят ребята, «будь здоров». На уроке сидит и внимательно смотрит на учителя. Но глаза пустые. Не может понять, что к чему. Вот и на выполнении домашнего задания обхватил голову руками, полускрыв глаза, сосредоточенно что-то перебирает в уме. «Грызут» его ребята за каждую двойку. Воспитатель спрашивает Пашу отдельно. Помогает ему и товарищ по парте. Что-то он еще помнит, когда учит, но на следующий день на уроке ответить не может.

Не виноват парень в том, что взрослые люди взвалили на его плечи непосильный груз, а затем начали убивать в нем все доброе, человеческое, обсуждая и прорабатывая на всех уровнях. Озлобился, ожесточился парень, потерял стыд и совесть. Научился и воровать, и курить, и выпивать, деньги отбирать у тех, кто слабее.

А ведь все бы сложилось по-другому, если бы он в кругу таких же ребят с ослабленным умственным развитием постепенно постигал азы наук лет до пятнадцати-шестнадцати. Не чувствовал бы он своей неполноценности. Пусть бы даже и не имел свидетельства об окончании восьми классов.

Физическую работу он любит. Пошел бы работать. Возможно, со временем и почувствовал бы необходимость пополнить свои знания и добровольно бы явился в вечернюю школу. Возможно. А если бы и не случилось этого, то общество было бы не в проигрыше. Вероятность, что он обязательно стал бы правонарушителем, значительно меньше, чем в той жизненной ситуации, которую для него создали взрослые люди. Если бы Паша был один!

Слова учителя заставляют задуматься.

Впереди — жизнь.

Перемена!

